

РАБОТА ПЕДАГОГА – ЭТО НАСЫЩЕННАЯ СОБЫТИЯМИ ОБЩАЯ ЖИЗНЬ С ДЕТЬМИ

*ВЫСТУПЛЕНИЕ ТАТЬЯНЫ ТАРУНТАЕВОЙ
НА ПЕРВОЙ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕВГЕНИЯ
ШУЛЕШКО ВСТРЕЧЕ «ШУЛЕШКИНЦЕВ»,
КОТОРАЯ СОСТОЯЛАСЬ В ОДНОМ
ИЗ МОСКОВСКИХ ДЕТСКИХ САДОВ*

Записал
ЕГОР БОЛТАЕВ

Профессиональная жизнь педагога налаживается тогда, когда он перестаёт воспринимать её дробно: мол, здесь я за детьми присматриваю, здесь играю, здесь воспитываю, а здесь я их учу.

Основной принцип шулешкинской педагогики вы хорошо знаете: самое первое и самое главное – это дружба, её зарождение и освоение. Дружба – не в поверхностном, приятельском, а в самом глубинном значении этого слова.

Какие педагогические условия позволяют помочь расцвету детской дружбы? Все они сводятся к нормализации жизни детского сада и школы, а она начинается, конечно, с педагога. А профессиональная жизнь педагога налаживается, нормализуется тогда, когда он перестаёт воспринимать её дробно: мол, здесь я за детьми присматриваю, здесь с ними немного играю, здесь воспитываю, а здесь я их учу.

Нет же! Работа педагога – это насыщенная общая жизнь с детьми, открытая новым впечатлениям, неожиданным маленьким событиям: смешным, умным, печальным, трогательным, поучительным... И на занятиях это должно проявляться в особенности. Евгений Евгеньевич относился к этому так: занятие – просто кусок жизни, но, может быть, более интенсивно про-

живаемый. И когда мы движемся сквозь этот кусочек жизни, мы чем-то занимаемся между собой – потому и называется «занятие».

«НОВЕНЬКИЕ–СТАРЕНЬКИЕ»

Многие обратили внимание на удивительный момент, касающийся новеньких в подготовительной группе, где мы были. Я, например, не заметила, кто именно новенький. А ведь ещё только осень. Ребята делали очень сложные вещи, решали задачи, требующие большой сосредоточенности и хорошо налаженного взаимодействия, вели вдумчивые разговоры. За ходом их занятий чувствовался огромный опыт совместной жизни – целого года жизни в старшей группе.

Но оказалось, что новые дети уже влились в этот коллектив. Те другие, у которых за плечами был целый год, они своей открытостью, участливостью, доброжелательностью дали возможность нескольким новичкам за два месяца подключиться к тем же возможностям, которые открываются сейчас для большинства детей как результат их наработанного жизненного опыта.

Локоть к локтю

В чем-то похожий яркий пример я наблюдала в другом саду. В группе, где дети уже знали друг друга, им надо было по какому-то принципу объединиться в малень-

кие компании. Они это уверенно сделали, но я так и не поняла, какой же признак они выбрали. А выяснилось, что они объединились в группы по цвету глаз! Это ведь как надо было взглядеться в глазки друг другу!

А вот другая история, более старая, и тоже про глазки. Пришли наши сплочённые, дружные дети в первый класс – семнадцать человек из одной группы. И вскоре звонит мне завуч: «Не знаю, что делать, учительница просто не переносит этих детей».

Приезжаю на урок, сажусь на заднюю парту. Минут через двадцать учительница просто дошла до точки кипения. А дети – эти семнадцать – в какой-то момент так обменялись взглядами, что, не произнеся ни звука, все встали. И так же, непонятно как, глазами, они договорились, кто именно будет говорить. (А ведь первый класс!) И этот один, кому было доверено, сказал: «Светлана Алексеевна, нам так не нравится. Мы так больше не будем».

Больше не было произнесено ни одного слова. Но они все стояли плечом к плечу, локоть к локтю.

Светлана Алексеевна не выдержала, выбежала в коридор со словами: «Не буду я работать с этими детьми!». Даже заболела.

А когда мы встретились с ней уже в конце года, она подошла и сказала: «Какая я была дурочка! Ведь эти семнадцать, они же за два месяца до своего уровня

в чтении, в письме дотянули тех, других в классе, которые пришли совсем никакие».

Это о том, что дает наша система работы. Это и о том, что взрослые думают об удобных и неудобных для себя детях. Если педагог настроен первым делом согнуть и подчинить себе учеников – то дети, привыкшие помогать друг другу, привыкшие заниматься осмысленным, а не абсурдным делом, обсуждать между собой его ход – кажутся ему ужасными, неприемлемыми детьми. Если же он озабочен не самоутверждением, а хочет достичь каких-то здоровых результатов – то его оценки меняются на противоположные.

Ведь нормализация жизни детей и взрослых происходит тогда, когда нет разрыва между тем, как детей обучать и как с детьми жить.

КУЛЬТУРА КАК СПОСОБНОСТЬ СОЧУВСТВОВАТЬ

Ещё такой момент. Многие обратили внимание на то, как дети используют формы публичного поведения и чуть более официальной, чуть более взрослой речи.

Это ведь тоже очень важно для человека (и уже в этой его жизни, в этом возрасте, и потом, когда он подрастет). Если в присутствии этих детей кого-то обидят, они не будут делать вид, что их это не касается, –

а встанут и скажут: «Ты не прав». Не агрессивно, не оскорбительно – а со спокойным чувством человеческого достоинства. Потому что они ото всей своей жизни, ото всей системы отношений глубоко воспитанные люди. И мы это сегодня могли наблюдать.

Ведь культура – это не этикет, это развитая способность сочувствовать другим людям и умение находить культурные формы для выражения такого сочувствия, для деятельной помощи другим.

ЯСНЫЕ СМЫСЛЫ «НЕПОНЯТНЫХ ИЗЫСКОВ»

Однажды зашёл разговор (и, наверное, подобные разговоры нередко возникают среди наших педагогов): «Всё это хорошо, с детьми жизнь замечательно налаживается; но так ли нужны методические изыски, можно ли попроще, без этих записей символических, без сложных пальчиковых конструкций?»

Но это для нас они кажутся сложными. А для детей – они ведь самые естественные. Господь дал мне меня как мое наглядное пособие. Это не кружки, не квадратики, это – руки. На них мне легче всего почувствовать свою готовность быть пишущим, способность справиться с таким новым для себя делом. Именно на кончиках пальцев легче всего ощущается слаженность и своей мысли, и своей речи, и своего тела.

Другая сторона связана с тем, что с «ручных уголков» начинается знаковая запись слогов. «А зачем она нужна?» – тоже спрашивают очень часто. Так ведь именно тут закладывается письмо! Именно тогда, когда ребенок понимает, как можно знаками изобразить свое имя, обращение к другу, любое слово. Шестилетка еще не должен знать, пишется ли «молоко» или «малако», но когда он пишет слоговыми знаками, то ему не надо задумываться над каждой буквой – а навык письма, общая культура письма уже закрепляется. Дети «планируют» свою запись, как это у Катаева: «Одну букву пишу, вторую примечаю, а третья мере-

щится». А некоторое время спустя так же естественно придёт к детям и грамотность в правописании.

Ведь нормализация жизни детей и взрослых происходит тогда, когда нет разрыва между тем, как детей обучать и как с детьми жить. А в освоении письменной речи эти наши, на первый взгляд, избыточные изыски (мол, подумаешь, разве дети без таких премудростей читать-писать не научатся?) и позволяют сшить между собой освоение внешних норм культуры и личное становление самого себя как грамотного человека. Человека, уважительно и бережно относящегося и к своим возможностям, и к окружающим его людям.

Фото В. Михайлова